

Негативность анархизма

Вик Дэвид

1975

Оглавление

Анархическая идея	4
Анархизм	7
Анархизм и марксизм	10
Новая актуальность анархизма	11
Анархистская этика	14
(а. Анархистские принципы)	14
(б. Власть и насилие; братство и любовь)	15
(с. Утилитаризм и анархизм)	16
(д. Этика свободы)	17
Негативный анархизм	18
Индивид и общество	21
Природа	24
Анархизм как социальная философия	25

Анархизм известен своим плюрализмом в том смысле, что существует множество философов и множество школ без очевидных сходств за исключением отрицания политического суверенитета, заключённого в понятии «анархия». Неслучайно, что анархизмом часто считают семейство минимально связанных друг с другом идей, которые отвергают легитимность государства и (обычно) требуют его упразднения. Данное видение, хотя в его пользу могут быть процитированы тексты, узко; т.к. анархизм не столько выступает просто против государства, это – в некотором смысле, идея или теория свободы. Но вот это «не просто», эта «свобода» не определены и нуждаются в дальнейшем разъяснении.

Я предлагаю тут видение анархизма, способ понимания его в общепринятых терминах, который, как я надеюсь, покажет его важность и его значение. Это проблематичное предприятие, оно довольно отличается от изучения мыслей некоего отдельного анархистского теоретика. Оно требует решений насчёт того, кто является сущностным в различных анархистских традициях, и существует большой риск, что результаты скажут больше о предпочтениях и предрассудках автора, чем о прошлом и будущем анархизма. Если быть более точным, то настоящее сочинение служит выражением моей интуиции, основанной главным образом на моём личном опыте анархизма, того, что является для него центральным и что – наиболее ценно в этом смысле для человеческого общества и отдельного индивида. В ходе попыток сформулировать мою интуицию так точно, как только возможно, я пришёл к нескольким фундаментальным выводам, оказавшимся для меня новыми и поучительными.

Мои рассуждения объективны по своей форме и имели своей целью философские исследования. Мне хотелось бы, в любом случае, прояснить, в особенности потому, что я считаю, что то, что человек думает и полагает знать объективно, неотделимо от его убеждений (откуда он, как говорится в просторечье), что я придерживаюсь такой позиции или ориентации, которую я называю анархистской.

Как я объясню позже, способностью анархизма, скорее, как живой идеи, а не интеллектуальной способности, является способность угнетённых людей, выразить своей гнев касательно их угнетения и угнетения их товарищей; цель анархизма — служить средством для окончания этого угнетения. Насколько можно оценить значение чужих, не собственных, жизненных условий – это вопрос, энергично ставящийся чернокожими и женщинами — я не уверен. (Я переживал угнетение, но не в форме постоянного фактора, накладываемого на меня обществом и условиями; в общечеловеческой семье я был относительно привилегированной персоной). Как бы то ни было, я убеждён, что анархизм может обрести значимость только, если у человека есть конкретное ощущение общественной реальности – я боюсь, что не знаю более точных условий, при которых оно возникает, и надеюсь, что постоянно сохранял эту реальность, а собственно, человеческое понятие угнетения, перед глазами.

Анархическая идея

В целях подготовительной концепции анархизма и того, что я называю общепринятыми терминами, сравнение и противопоставление роли идей и идеологии в истории социализма и анархизма обозначит нашу методику, менее запутанную, чем может показаться на первый взгляд.

Анархизм обычно называется идеологией, и в некотором смысле этого слова, который каждый определяет как хочет, эта характеристика будет верной, хотя и не особенно информативной. Я предпочитаю определять идеологию в духе Маркса и Маннгейма, как априорическую и рационализированную систему убеждений, служащую для оправдания и мистификации власти и могущества некой социальной группы или некоего комплекса институций. (Это определение должно было объяснять трансцендентальные идеологии, т.е. теологию, а также общественные идеологии). Хотя я и считаю, что этот термин обладает более широкой теоретической пользой, читатели вправе рассматривать это определение, которому в этом исследовании отводится тематическая функция, как инструмент для создания различий, полезных для прояснения статуса анархизма. Социализм до Маркса выражал не до конца сформулированный, но ни в коем случае не абстрактный идеал, который в общих чертах можно описать как упразднение буржуазной собственности, экономической эксплуатации и классового разделения, восстановление чести труда и учреждение полезного производства. При помощи философии и общественных наук Маркс пытался создать для социализма методологию и оправдание его целей. В последствии, в исторически значительных течениях социализма, марксистская теория или, возможно, выражаясь более точно, удобно разжёванные философия и методология Энгельса стали доктринёрской правдой: прежде всего в среде немецкой социал-демократии и американского делеонизма, а затем — в ленинизме и его производных. «Ортодоксия», «уклонения», «ревизионизм» и прочие отсылы к закостенелой терминологии псевдо-теологической системы, введенные централизованной партией, сигнализируют об этом превращении. Последняя стадия марксизма, эти системы правды, являются абсолютно идеологическими в смысле данного выше определения.

(То, что разновидности марксизма, которые делили мировую сцену истории являются априорическими системами веры, основанными на определённых доктринах, широко признано в отношении ленинистских течений. Если рассматривать ленинизм как оправдание и мистификацию на службе правящей общественной группы мало принято, то отчасти потому, что с буржуазной точки зрения, идеологической самой по себе, это кажется прозелитацией веры. Я вижу его первичную функцию в оправдании власти партийного руководства над её членами, власти, актуальной и будущей, партии над обществом, и в одурманивании людей. Ленинистский марксизм, следовательно, оказывается идеологией государственной власти, сливающейся —

апроприирующей или, может быть, апроприированной — с идеологиями национализма. Социал-демократия, конечно, пришла к соглашению с капиталистической идеологией).

Анархизм же, напротив, не будучи свободным от идеологических тенденций, никогда не находился во власти или не ограничивался теориями своих философских и учёных представителей. Те анархисты, кто проповедовал теоретическое единство, обычно склонялись к сотрудничеству с марксистскими партиями, равно как и выступающие (зачастую это были одни и те же люди) за подобную партиям организацию стремились направлять и предводительствовать массовыми движениями в социальной революции. Фундаментальный анархистский принцип заключается в том, что ни одна личность, ни одна теория, ни один исторический процесс не является более важным, чем ты сам, и что жизнь не утрачивает своей главенствующей роли по отношению к абстрагированной от неё мысли. Посему самым значимым наследием прошлого оказываются определённые ценности и (следовательно) принципы, жизни и, зачастую, смерти выдающихся и героических личностей, а также первопроходческий опыт. Решительность и действие, знание своих собственных желаний и целей — вот то, что важно: что значит, что марксистские упреки в волюнтаризме анархизм несколько не порочат.

Классификация анархизма у Маннгейма как более утопического, чем идеологического — т.к. он стремится к разрушению, а не к сохранению общественной данности — хотя и лестно, но не достаточно аккуратно и, более того, предвзято, т.к. «утопический» (равно как и «идеологический») было для Маннгейма противоположностью реалистическим методам либерального мелиоризма социальных наук. Анархизм, не-идеологический и главенствующий над философией и наукой, как мы могли бы определить наилучшим образом, хотя и с лёгкой семантической осторожностью, как идею: оборот речи, общий, по крайней мере, для некоторых анархистов, принадлежащих испанской и итальянским движениям.

Характеризация его как идеи ставит анархизм в ту констелляцию или тот космос идей, духовно близких друг другу, но ни в коем случае не однородных, которые получили наибольшее распространение в 18-м и 19-м веках в Европе и Америке: идей социализма, разума, свободы, равенства, демократии, человечества, прогресса, истории, народа. Некоторые из них, такие как социализм и анархизм, выражали общественные идеалы напрямую; некоторые, и среди них как социализм, так и идея народа, послужили впоследствии источниками идеологий. Нам не достаёт чёткого обозначения для этого до-идеологического способа мышления: «идеалистический» может быть лучшим, но в до-философском смысле, который не отсылал бы к идеалистической философии.

(Значение «идеи» тут не гегелевское, но того возникшего ранее способа мышления, которое он считал, понял и перенял. Он критиковал абстрактные идеи в духе Французской революции, не осознавая или предпочитая не замечать, что хотя они бесспорно и использовались как манипулятивные абстракции, т.е. идеологически, обладателями новой власти, они всё же обладали достаточной значимостью и конкретикой для бедных и угнетённых).

Такая идея как анархизм, как я её понимаю, является мыслью, мышлением, убеждением, желанием, целью, видением жизни, чья суть заключается в убеждённости,

что оно будет реализовано и полное его значение станет явным только с его полной реализацией. Она выражает потенциал человеческого существа, доступного пониманию человеческих существ и принимаемого как цель, которую они совместно пытаются достичь. Она существует в социальных движениях (и в принимает их форму), в движении разума, в жизнях, действиях и опыте отдельных личностей. Она коренится в общественной реальности и объективности, и в потенциальной реальности как общей цели. Хотя и способная к артикуляции, она по сути концептуальна, но точно не рациональна. В ядре её, как самая её суть, как её материальный источник, находится чувство — чувство отношений между людьми, своей идентичности и ценности, чувство человеческой сущности.

Определяя анархизм как идею, я в особенности хочу подчеркнуть, что он не является доктринерским; что таковым он, скорее, всегда понимался, а не определялся; что он выражает значимость глубоколежащих желаний; что он указывает на идеальную цель, ради которой провозглашается социальное движение самых обыкновенных людей, которые будут достаточно часто противоречить своим идеалам на практике; что он выражает моральную обязанность, служащую предвосхищением своей вожденной цели; что он является объектом веры, причиной солидарности и взаимопомощи; что он был обогащён, но не изменён существенно поддерживающими его спекуляциями и разумными аргументами; и что он всегда оставался крепко связанным с породившими его идеями.

Ни в коем случае анархизм не означает бездумности, иррационализма или антиинтеллектуальной позы – ошибочная интерпретация, распространённая в радикальных молодёжных движениях 1960-х годов, которая, возможно, выражает смешение понятий идеи и идеологии (в моём понимании). Напротив, самообразование, обдумывание и обсуждение до изнеможения значения и выводов из своих сокровенных убеждений, быть их хозяином, а не слугой – всё это содержится в анархистской идее и было нормой, а зачастую и практикой традиционных анархистских движений. Сказать, что эта идея — это мысль, стремящаяся к своей реализации, означало бы сказать, что она требует максимального общественного изобретательства и практического воображения, что она (в свою очередь) требует того, чтобы человек знал, чего хочет. Это — противоположность подчинению отстранённым от жизни идеям и стандартизированного мыслью действия. Это, более чем анархизм того или иного теоретика, – тот анархизм, чьё значение я попытаюсь объяснить.

Тот факт, что интересующий нас анархизм остался, по сути, идеей, коренящейся в чувстве, не означает, что эта идея не имеет своей истории или эволюции, но этой эволюцией я здесь заниматься не буду.

Анархизм

С выше названным формальным определением анархизма в памяти, мне теперь хотелось бы рассказать о его содержании.

Тема политического суверенитета будет нашей отправной точкой, с тем условием, что мы примем тот широкий смысл понятия “политики”, используемый современными феминистками, которые, говоря о половой политике, отдали должное различным сферами политического.

(«Понятие “политики” должно отсылать к структурированным властью отношениям, соглашениям, в которых одна группа людей контролируется другой группой. В скобках можно было бы заметить, что хотя идеальная политика и могла бы пониматься как обустройство человеческой жизни на добровольных и рациональных принципах, из которых следовало бы полностью исключить понятие власти над другими, следует признать, что это не тот принцип, который делает политику такой, какой мы её знаем, и это именно тот вопрос, к которому нам следовало бы обратиться». Кейт Миллет, «Sexual Politics», NY 1970. 23–24.)

При помощи этой модели (политическое, как мы его знаем) мы можем описать политику производства и потребления, политику образования, расовую политику, религиозную, политику искусства, политику возраста — и политику любой общественной сферы, включая и общепринятую сферу политики, в которой группа или класс, или каста, властвует над другими, или где некий комплекс институтов властвует над человеческими жизнями.

В большинстве этих сфер, провозглашались взаимозаменяемые лозунги свободы и освобождения, а также и более проблематичный лозунг власти.

Как этого и следовало ожидать, есть ещё и политика освобождения — политика раскрытия или сокрытия структур власти, которые контролируют определённые освободительные движения.

Нам следует, в этом случае учитывать множественность политических отношений среди них, хозяев и рабов, управляющих и подчинённых, обеспеченных и неимущих, нанимателей и нанимающихся, мужчин и женщин, учителей и учеников, старых и молодых, доминирующих и подчинённых рас, партийных лидеров и партийных членов, бюрократов и клиентов, профсоюзных лидеров и членов профсоюзных иерархий, командиров и солдат, священников и их «стада» (а с некоторых точек зрения — Бога и человеческих существ), империалистических наций и гражданских субъектов, освободителей и тех, кого они намереваются освободить. С учётом каждого отдельного властного отношения можно идентифицировать “определяющую идеологию, которая бывает иногда формально сформулированной, хотя и редко со строгостью ортодоксального ленинизма, иногда примитивную или паразитирующую на других идеологиях.

Анархизм можно понимать как своеобразную общественную и политическую идею, выражающую отрицание всяческой власти, суверенитета, принуждения и социального разделения и желание к их упразднению; он выражает отвержение всех дихотомических концепций, которые, опираясь на Природу, Разум, Историю, Бога или что-либо иное, разделяют людей на наделённых властью и тех, кто просто подчиняется. Анархизм – это, следовательно, больше, чем антигосударственность, но правительство, притязающее на ультимативную суверенность и, следовательно, на право объявлять вне закона или легитимировать отдельный суверенитет и ввиду его поддержки теми, кто защищает свои личные *fiefs and turfs*, находится в центре сети общественной власти и по праву образует фокус анархистской критики. Анархизм антиполитичен, и, следовательно, в переносном смысле отказ от выборной и парламентской активности является подходящим для него символом.

Взаимоотношения между анархистской идеей и моим определением идеологии теперь становятся очевидными: взаимоотношения оправданные верностью анархистского взгляда на перспективу использования идей власти и идеологизации идей, на проект, в котором массивно замешан марксизм, но предаваемый его собственным пристрастием к власти. Для самого государства, традиционная политическая философия, прежде всего в эпоху национального государства, всегда была постоянной идеологической поддержкой.

В таком случае анархизм является общественной и политической философией, предлагающей стереть все разделения между имущими и неимущими политической власти, скорее, стереть, а не перераспределить власть; упразднить идентичности правящих и управляемых, лидеров и ведомых, учёных и невежд, верхних и нижних, хозяев и слуг, людей и не-людей. Если бы анархистская идея была реализована, все люди с их уникальными личностями были бы связаны с друг другом в множественных не стратифицированных обществах добровольного (свободно выбранного) объединения.

Сегодня, личность означает, практически неизменно, принадлежность к элитному классу или касте, противоположность массе, и зависит от этой принадлежности (задаётся ею); такая индивидуальность не является аутентичной, поскольку она не совсем индивидуальна. То, что в настоящее время подразумевается под социализацией, есть стабилизированная, лишённая всяческих трений политика, на которую подвергающийся ей соглашается. Цель анархизма – это универсальная и истинная индивидуальность, полноценная социализация; их противоположность преодолевается как раз уничтожением ограничивающих и искажающих контекстов власти. Тогда все личности становятся политически равными, не в смысле равенства власти (т.к. анархизм отрицает общественную власть) или, неизбежно, продуктов потребления, но в том смысле, что никто, ни одна группа, ни одно учреждение не будет править, контролировать, принимать решения или доминировать над другими. Это было бы обществом, но без политической конституции (*polity*).

Индивидуальность (уникальность) и общественность человеческого существования, понимаемые таким образом, можно идентифицировать как основные ценности анархизма, ценности, которые можно в свою очередь, описать как социальную свободу. Справедливость не будет более определяться в понятиях распределения и права, предполагающего суверенитет, и, уж точно, не законности. Если взять рабство как

метафору власти, применяемую буквально или приблизительно по отношению к большинству её форм, справедливость и несправедливость (общественных) учреждений могут быть определены в понятиях рабства, так, что учреждение является несправедливым если и в том смысле, что суммируемые в них индивиды являются рабами других. Какими бы доброкачественными и альтруистическими они ни задумывались, рабские учреждения систематически и сущностно насилуют человеческое существо, и это нельзя исправить. Хозяин, конечно, считает иначе, иначе это утверждается и его идеологиями.

Очевидно, что стремление к полному уничтожению рабства не является единственно возможным способом реагирования на его признание: если бы это было так, то не было бы ни либерализма, ни марксизма, а анархисты были бы повсюду. Если убедиться в том, что отмена рабства невозможна, можно пойти на смягчение, реформирование или обмен систем власти; не обесценивая свободы, можно не надеяться на более чем незначительную и спорадическую её реализацию. За исключением случайных замечаний, я буду избегать обсуждения практической и философских проблем, связанных с её оценкой, проблем, которые особенно трудны, поскольку обобщение анархистского отношения к институтам может привести к значительным результатам, соответствующим анархистским ценностям, даже если идеальная цель никогда не будет приближена. Я ограничиваюсь попыткой показать значение анархистской идеи — проектом, предшествующим, хотя и не вполне отделимым от суждений о практической, и необходимым (как мне кажется) потому, что степень, в которой анархистская перспектива перестраивает восприятие и предвосхищение человека, общества и истории, редко оценивается в достаточной степени.

(Иногда рассматриваемые здесь характеристики анархизма выражаются анархистами и другими как антиавторитаризм. Это неудачный способ выражения, во-первых, потому что антиавторитаризм исповедуют многочисленные и разнообразные политические группы; во-вторых, потому что существуют формы власти, не предполагающие власти над людьми; в-третьих, потому что авторитет — это то, на что претендует власть и на что претендует её идеология; и по другим причинам. Специально и добровольно делегированные полномочия не являются властью над людьми, хотя и могут быть преобразованы в таковую. Признание авторитета технической компетентности не есть подчинение власти, если только технически компетентным людям не разрешено определять цели, а также средства, или определять средства таким образом, чтобы они определяли цели. Авторитет каждого в своей сфере деятельности — это способ утверждения свободы каждого. Анализ авторитета, позволяющий отличить подлинный от поддельного, в анархистской литературе отсутствовал; проблема решена в книге Джованни Бальделли «Social Anarchism», N. Y.: Atherton Press, 1971, из которой я многое почерпнул).

Анархизм и марксизм

Люди, знакомые с ранним Марксом, могут предположить, что я только что описал некоррумпированный марксизм. Этот вопрос стоит рассмотреть как ради него самого — поскольку я считаю марксизм и анархизм действительно базовыми альтернативами, — так и для того, чтобы выявить другие важные измерения анархистской идеи, в частности её темпоральность.

Маркса можно назвать философским анархистом в том смысле, в каком эта фраза означает утверждение анархии как идеала, не имеющего актуального значения. Конфликт между Марксом и анархистами в Первом Интернационале показывает, что Маркс ни в организационной практике, ни в революционной программе не разделял негативного отношения анархистов к власти. Он требовал контроля центральной организации над секциями; он настаивал на программном единстве, фактически на принуждении к согласию с истинами руководящей элиты; он разрушил Интернационал, вместо того чтобы позволить ему быть объединением солидарности в многообразии; он категорически отверг анархистский тезис о том, что ликвидация государства является актуальной задачей. Анархистская критика марксизма, помимо несправедливого отождествления Маркса с поздним диалектическим материализмом, иногда чрезмерно акцентирует внимание на исторической личности Карла Маркса, но, помимо предвосхищения политической и идеологической практики будущего социализма, включая ленинистские монолиты, его поведение отражает его концепцию власти и свободы.

Идеалы, которые иногда (не так уж часто) утверждаются в марксизме, могут не иметь существенных противоречий с анархизмом, но на протяжении всего времени между настоящим и, в марксизме, конечной реализацией идеала существует систематическое расхождение. Для Маркса, как и для марксизма, не-власть, в той мере, в какой она признается, находится за пределами истории, тогда как для анархистов она находится внутри истории, внутри настоящего, имманентна как потенция в настоящем.

Анархизм, как я уже отмечал, даёт критику самой политики освобождения — критику, которую пытались дать лишь немногие марксисты. Основным для марксизма является мнение, что экономическая власть является ключом к освобождению, инструментом которого являются (или должны быть) власть партии, власть правительства и власть определённого класса. Основу анархизма составляет противоположная точка зрения, согласно которой ликвидация господства и тирании зависит от их отрицания, в мыслях и, по возможности, в действиях, в любой форме и на каждом шагу, отныне, постепенно, каждым человеком и группой, как в освободительных движениях, так и в других местах, независимо от состояния сознания целых общественных классов. Таким образом, анархисты видят в марксизме иллюзию освобождения и создания новых структур власти, которые навсегда откладывают

его и сводят на нет спонтанные освобождения, которые терпелись недолго. Соответственно, с точки зрения анархистов, выбор и действия индивидов важны для них самих, для их окружения и для всех нас; с точки зрения марксистов, только коллективы и их действия имеют значение, только они объективно реальны (таков, как оказалось, операциональный смысл знаменитого фейербаховского тезиса Маркса об индивиде).

В соответствии с теорией, стратегии марксистских движений были стратегиями завоевания и использования власти, стратегиями утверждения политики. В каждой стране, где правили марксисты, базовая политика, т.е. базовые государственные структуры, сохранялись, а в случае краха восстанавливались и возрождались, что подтверждает утверждение о том, что анархизм — единственная социальная философия, утверждающая альтернативу политике власти. (Критика анархизма различными либерализмами не нуждается в подробном описании).

В свете вышесказанного некоторые привычные марксистские полемики против анархизма могут быть подвергнуты инверсии: результат также полемичен, но, возможно, не является несправедливым. Апокалиптическим и утопическим может быть не анархизм, а марксизм с его видением постисторической трансцендентности. Анархизм, а не марксизм, может быть, способен поддержать концепцию подлинной социальной диалектики, поскольку Марксова теория надстройки и примата безличных экономических сил препятствует, если не исключает полностью, осознанию непрерывного взаимодействия между многочисленными сферами политики и освобождения. Возможно, именно анархизм предполагает более полное представление об антропосе, поскольку он не затушёвывает и не игнорирует психологию и столь важную сейчас социологию власти. А может быть, упрощённым и наивным является не анархизм, а марксизм с его экономоцентризмом, с его контролирующей диалектикой техники и собственности.

В следующем разделе будет раскрыта часть смысла приведённых выше тезисов.

Новая актуальность анархизма

Возрождение в последнее время интереса к анархизму, а также тенденция некоторых североамериканских и западноевропейских марксистов к пересмотру марксизма в либертарном направлении позволяют объяснить это в терминах настоящей дискуссии.

Во-первых, анархизм — это естественное общее выражение для множества конкретных освободительных движений, в том числе и тех, которые стали активно развиваться совсем недавно. Будучи такой родовой идеей, анархизм подразумевает эти освобождения, и большинство аргументов против конкретных отношений власти и господства, наоборот, обобщаются до анархистской позиции. Таким образом, не только осознание расширения государственной власти в 20-м веке придало анархизму современную актуальность как для радикальной молодёжи, так и для различных интеллектуалов и социальных философов.

Анархизм не просто объединяет многочисленные темы освобождения. Для тех, кто подозревает, что корнем угнетения может быть власть, а не богатство, и что

власть может быть более всеобъемлющим понятием, анархизм предлагает рамки объяснения. Марксисты обычно выводят расизм из заинтересованности богатых классов в разделении народных масс между собой; не нужно отрицать справедливость этой интерпретации, чтобы увидеть, что психология общественного или этнического господства ради господства может быть более глубокой темой. В связи с империалистическими действиями российского государства трудно объяснить империализм и войны прежде всего соображениями экономики и прибыли. Во многих других сферах, в том числе и в сфере освобождения, мы видим стремление к власти из более глубоких побуждений, чем это может объяснить экономическая теория, а теория власти способна объяснить и кажущуюся иррациональной интенсивность приобретательского поведения.

В-третьих, становится все более очевидным, что говорить о правящем классе в нынешнюю эпоху совершенно неадекватно. В национальном и международном масштабе экономика капиталистического распределения сохраняет свою непропорциональность богатства и бедности, но власть теперь носит корпоративно-бюрократический характер. Даже такое утверждение не выдерживает критики, и фразы типа «военно-промышленный комплекс» кажутся неизбежно уместными. Отдельные люди и группы сталкиваются со сложными структурами власти, национальными и транснациональными, и их самоощущение, даже при относительно высоком уровне привилегий, скорее всего, будет представлять собой ощущение бессилия, беспомощности, незащищённости. Класс, который правит, — это не совсем класс людей, а скорее институциональный комплекс, административно-управленческий персонал которого работает, можно сказать с небольшим преувеличением, по должностным инструкциям. Даже если определить этот персонал вместе с основными бенефициарами — индивидами и семьями — как правящий класс, он все равно остаётся в США, как и в СССР, безличной властью со сменными фигурами. Требования власти в Америке 60-х годов выражали ощущение главной проблемы современного общества, а не только Америки: абстрагирование власти от человека в виде бюрократического общества, общества менеджеров и т.д. Анархизм становится более актуальным, когда сама власть, а не та или иная группа или класс лиц, обнаруживает себя как истина национального государства, международного капитализма и националистического социализма, когда власть, а не богатство является главным образом образом образа успеха, единственной моделью, представленной для подражания.

В-четвёртых, из многих источников пришли основания полагать, что любая теория, которая находит секрет человеческого освобождения в чём-то столь специфическом, как политика собственности, пренебрегает взаимозависимостью многих видов освобождения. Каждый вид господства и власти усиливает другие виды, напрямую, что можно отобразить социологически, и косвенно, требуя и воспитывая привычки к господству и/или подчинению. Дети, прошедшие через иерархически структурированные семьи и школы, будут наиболее удачливы, если благодаря противоположному опыту смогут впоследствии утвердить себя в ситуациях, не связанных с властью, или свободно и ответственно взаимодействовать как личность с личностью, или сопротивляться власти рационально, а не путём кратковременного бунта. Солидарность между якобы антагонистическими группами в борьбе с вызовом снизу — солидарность профсоюзных деятелей и корпоративных менеджеров, например, —

разительно отличается от обычной и саморазрушительной несолидарности, чаще всего взаимной враждебности, угнетённых групп из разных категорий. По мере того как мы всё глубже погружаемся в мир институционального управления человеческим существованием и в этой эволюции, возможно, приближаемся, если ещё не прошли её, к точке невозврата, вопросы освобождения все больше проявляются как единый вопрос многообразного освобождения человека.

В-пятых, взаимозависимость многих видов освобождения предполагает, что освобождение человека должно быть непрерывным процессом и что анархистский метод, заключающийся в стремлении качественно изменить сцену своей жизни, в попытке создать сферы свободы, даже если нельзя напрямую повлиять на крупные социальные институты собственности и управления, может быть значимой и необходимой частью многомерного процесса освобождения, в котором многие активны в различных и конкретных формах. Это можно выразить тем, что анархизм предлагает постоянную реализацию свободы в жизни каждого человека, как для её внутренних, непосредственных ценностей, так и для её более отдалённых последствий, которые непредсказуемы, поскольку зависят от непредсказуемого поведения неизвестных людей и неличных исторических процессов.

Тем не менее, анархизм по-прежнему чрезвычайно трудно принять иначе, чем философски, т.е. интеллектуально, поскольку он выдвигает жёсткое диалектическое требование: чтобы человек представлял себе и находил способы преодоления состояния объективной и субъективной беспомощности и бесперспективности не путём поиска власти или планирования её захвата, не путём уговоров власти и т.п., что является способами политики, а также способами, с помощью которых люди пытаются справиться с повседневным угнетением, разочарованием и обидой, а путём полного отрицания власти и выбора бесправия. (Выбор бессилия, однако, не означает пассивности или отсутствия воинственности. Анархизм и даосизм имеют много общего — но анархизм не является способом простого личного спасения). Требование серьёзное, учитывая, например, что в США, например, общество, в котором отсутствуют какие-либо общественные идеи, кроме ориентированных на власть; при господствующей этике, позволяющей делать все, что угодно, лишь бы никто не пострадал напрямую; при дефиците аутентичных моделей свободы, индивидуальности и свободного сотрудничества; при поверхностном, но злобном пессимизме в отношении человека; с учётом комплекса пересекающихся иерархий, когда все люди, за исключением немногих, являются относительно лучшими по отношению к другим, институционально низшим; с учётом коммуникационных технологий, обеспечивающих круглогодичный цирк политики для развлечения и мистификации граждан; с учётом ярости, ненависти, страха, зависти, пронизывающих нацию. Хотя в молодёжно-радикальных движениях конца 60-х годов в США было так много знакомых тем анархизма, что это движение можно назвать протоанархистским, правдоподобная интерпретация его краха состоит в том, что (в основном неосознанные, часто магические) ожидания власти, даже мгновенной, не оправдались. Неомарксизм, сохраняющий базовое утверждение власти и обнадеживающее видение власти через историю, но стремящийся квалифицировать себя за счёт включения либертарной тематики, предъявляет меньшие психологические и этические требования.

Может ли в обществе (и мире), где реальность и идеальность власти повсеместны, анархизм в смысле родового освобождения иметь значение, отличное от образа жизни небольшого числа людей, зависит от того, станет ли трансценденция власти, т.е. интегральная свобода, для многих людей конкретно представляемой, конкретно мыслимой, как разрешение и ликвидация полярности «власть-безвластие». Поскольку такое сознание ещё никогда не было реализовано в широком социальном масштабе, за исключением разве что некоторого периода в Испании, его потенциальные возможности так и не были опробованы. Но выбор бессилия, выбор, если надо, бежать с зайцами, а не с гончими, и, кроме того, выбор отказа от такого определения вариантов, — это выбор, открытый для каждого человека как выбор жизни, и его внутренние смыслы не отменяются ни выбором других, ни вердиктами бездумной Истории.

Анархистская этика

(а. Анархистские принципы)

Теперь я хотел бы начать излагать некоторые следствия анархистского взгляда на власть и освобождение.

В теориях, обосновывающих анархизм, можно встретить сбивающее с толку разнообразие этических аргументов — разнообразие, частично, но не полностью объясняемое желанием авторов подчеркнуть либо тему индивидуальности, либо тему социальности. Однако в анархистских движениях и в жизни анархистов можно найти нечто более простое — последовательный акцент на принципах и принципиальных действиях. В этом, как мне кажется, кроется ключ к этическим смыслам анархизма.

Для буржуа принцип анархизма означает фанатизм, для марксистов — нереальную и безответственную неприспособленность к объективным обстоятельствам и исторической необходимости. Анархисты принципиально воздерживаются от участия во всех выборах, отказываются от создания и поддержки политических партий и организаций партийного типа, отказываются обращаться к правительству и принимать его помощь для достижения ближайших целей, отказываются занимать властные посты, выступают против и добиваются падения как либеральных, так и откровенно тиранических государств, выступают против всех войн и против военной службы, отказываются от государственных и церковных браков и т.д. Анархисты отказываются признавать законы, суды и полицейские органы, отказываются защищать себя в рамках общепринятых юридических процедур. Анархисты выдвигают принцип прямого (т.е. личного, неопосредованного) действия, принцип солидарности, принцип личной ответственности. Вообще слово «компромисс» означает для анархистов компрометацию принципов и имеет лишь уничижительный оттенок. Трудно избежать вывода, что эта негибкость каким-то образом присуща анархизму.

Действие из принципа в разных контекстах имеет очень разные значения. В анархистском контексте эти различные принципы, эта привязанность к принципу, эта этика и политика строгого (но не абсолютного) принципа — всё это становится понятным и последовательным, когда различные принципы сводятся к единому

принципу — не осуществлять и не подчиняться власти над людьми, ни коллективами, ни людьми; с коррелятивным убеждением, что падение власти зависит от действия из этого принципа. В такой интерпретации отрицание власти можно назвать принципом анархического действия: в конечном счёте, возможно, он и есть, или должен быть понят как единственный принцип.

(Важно отметить, что упомянутые принципы почти все являются негативными принципами. Очевидно, что они требуют дополнения конкретных альтернативных действий, соответствующих обстоятельствам, а анархистское движение, не знающее ничего, кроме своих негативных принципов, является движением в упадке).

Я считаю, что центральный анархистский принцип лучше всего понимать во взаимосвязи с некоторыми более общими идеями: что индивид является основной социальной реальностью; что индивидуальное добровольное согласие является основой сотрудничества (в традиционных анархистских движениях — дать своё слово); что каждый, не исключая себя, несёт ответственность за свои действия; что социальная свобода зависит от самодисциплины каждого; и что принятие власти или подчинение власти в любой сфере человеческой деятельности является отрицанием фундаментальной реальности индивидов, отрицанием, по сути, неспособным компенсироваться другими видами соображений. Эти идеи, как я утверждаю, экзистенциально, хотя и не формально взаимны, и имплицитно присутствуют в отрицании власти над людьми, представленном во втором разделе выше. (Аргументация будет непростой и, вероятно, будет зависеть от экспликации понятия «индивид как базовая социальная реальность». Здесь я лишь отмечу, что «базовая социальная реальность» не влечёт за собой «базовую метафизическую реальность»).

(b. Власть и насилие; братство и любовь)

В двух областях, помимо вопроса о собственности, который будет рассмотрен отдельно, анархисты резко расходятся во взглядах на принципы. Спор между анархистами, не доверяющими формальным организациям, как анархистским, так и другим, для которых термин «организация» является уничижительным, и теми, кто считает организацию необходимой, представляется главным образом разницей в социологических и психологических суждениях, замаскированных семантикой «организации» и «ассоциации», относительно условий, при которых теряется личность и возникает власть. Никакие фундаментальные вопросы этики, по-видимому, не затрагиваются.

Другая область, глубоко проблематичная, — это пацифизм, насилие и революция. Основная анархистская традиция была революционной в том смысле, что одобряла насилие как средство сопротивления и разрушения аппарата силы и насилия, с помощью которого поддерживается власть. Можно согласиться на том, что свободное общество будет ненасильственным). В рамках анархистского принципа можно обоснованно утверждать, что насилие над угнетателем, поддерживающим своё положение с помощью насилия, само по себе не является актом угнетения, поскольку человек не стремится (и не будет стремиться) поработить или подчинить его. Тенденция, утверждающая или поддерживающая насилие, как бы утверждает, что отрицание отношений между хозяином и слугой (рабом) имеет приоритет над претензиями

на уважение жизни тех, кто настаивает на том, чтобы быть хозяином, и с помощью насилия, прямого или косвенного, делает это наставление хорошим. К сожалению, основной социальный гнёт защищается, как правило, наёмным или призывным инструментом, а при поражении — иностранными армиями. Все эти люди являются угнетателями в своих инструментальных ролях, подвержены соблазну и разврату со стороны этих ролей, но многие из них по-своему являются жертвами.

Здесь анархист, принимающий насилие, оказывается вне чётких принципиальных установок. Однако даже в своих террористических фазах анархистское насилие почти всегда было направлено непосредственно и неукоснительно против руководителей или исполнителей политического и экономического угнетения, так что по сравнению с антигражданским террором правительств, или националистической партизанской войной, или обычным полицейским терроризмом в бесчисленных странах, не говоря уже о жестокой расправе над побеждёнными рабочими классами на протяжении всей истории, анархистский терроризм смехотворно неправильно назван. Преобладание принципиальной этики, а не утилитаризма, склонного к самообману, может быть главным основанием для такого (само)контроля, а центрирование принципа на отрицании власти исключает захват заложников или другие инструментальные виды обращения с людьми, которые обычно являются переходом от сопротивления к милитаризованной войне. Распад анархического принципа в испанском анархо-синдикалистском движении, особенно в период гражданской войны и революции, — это большая и сложная тема, в которую я не могу здесь вдаваться.

В анархизме 20-го века, причём не только в рамках толстовской традиции, пацифизм стал важной миноритарной тенденцией. Эволюционный или ненасильственно-революционный, пацифистский анархизм утверждает, что насилие есть ещё более явное отрицание человеческого бытия, чем власть, возможно, даже род власти, и вводит в анархизм понятие любви, гораздо более сильное, чем братство основной традиции, — универсальное, поскольку в отличие от братства не ограничивается солидарностью угнетённых, — и стремится тем самым преобразовать понятие личности и понятие свободы. Тогда любовь станет высшим позитивным понятием, противоположным насилию. Думаю, можно сказать, что анархист, какого бы толка он ни был, который не чувствует (скорее чувствует, чем думает) такую любовь и ненасилие как высшие ценности, не в полной мере ощутил смысл анархизма, хотя любовь и ненасилие нелегко пережить в условиях угнетения и страдания других. Поэтому в некотором смысле движение анархизма к полноценной этике любви, хотя и является движением, присущим идее, ещё не осознано и может быть реализовано только при переходе к анархическому обществу.

(с. Утилитаризм и анархизм)

В некоторых анархистских теориях, следует отметить, вместо принципиальной апелляции к государству встречаются по сути утилитарные аргументы против него, основанные на исторических и научных исследованиях, которые не более чем аналоговая презумпция применимости к другим властным отношениям. Утверждения Кропоткина и Рокера о том, что упразднение национального государства будет способствовать развитию искусства и науки, мира и эволюционного прогресса, поз-

воляют предположить, что вопрос о политической децентрализации, антигосударственности в узком смысле слова, может быть отличным и отделенным от других вопросов власти, и такие авторы, как правило, несколько менее решительны в своей критике других форм власти. (И Кропоткин в 1914 -м, и Рокер в 1939-м находили возможным поддерживать правительства союзников в войне). Экологическое обоснование анархизма у Букчина родственно по методу, хотя он и более чувствителен к другим проблемам.

Однако в отношении анархистских движений и их этики я не считаю подобные рассуждения основополагающими и соглашусь с Малатестой, чей явный волюнтаризм, возможно, наиболее близко выражает дух исторического движения и анархистской идеи, что Кропоткин был бы анархистом, даже если бы его биологические и исторические теории были опровергнуты. Если это так, то утилитарно-исторические аргументы будут подтверждением или, возможно, основанием, узнаваемым и приемлемым для людей из среднепривилегированных слоёв общества, для которых перспектива угнетённых, которая является перспективой анархизма, и гнев угнетённых, который анархизм озвучивает, часто резко, могут быть чуждыми, тревожными и пугающими, даже отвратительными. Сомнительно, что такие аргументы поддержат страсть, вложенную в идею, веру, за которую многие отдали свои жизни.

Приоритетными, на мой взгляд, являются не утилитарные аргументы, а аргументы морали (справедливости) или аргументы свободы, или, когда аргумент принимает эвдемонистическую форму, апелляция к актуализации человеческого бытия. Я не говорю о непоследовательности анархизма, основанного на утилитаризме, особенно если понятие полезности широкое; я говорю о том, что утилитаризм, хорошо подходящий для принятия решений в коллективистских обществах и системах суверенитета, не очень подходит для выражения анархистских намерений.

(d. Этика свободы)

Роль принципа в анархистской мысли и действии, как я её понимаю, заключается в освобождении позитивной этической жизни человека. Таким образом, принцип отрицания власти является скорее конституирующим принципом желаемого общества, чем правилом жизни в нём. Более конкретно: подлинные отношения между людьми в понимании анархистов предполагают отсутствие власти одних над другими, но «отсутствие власти» не говорит ничего позитивного о содержании этих отношений, а это содержание будет творением самих людей.

Если таков смысл анархических принципов, то из этого следует, что взаимодействие в анархическом обществе будет осуществляться в условиях добровольного согласия (часто, конечно, негласного) и личной ответственности — именно это, по-видимому, и следует понимать под «отсутствием власти». Вера в возможность анархического общества, таким образом, означает веру в то, что в отсутствие структурированной власти, господствующих и подчинённых классов, привычки подчиняться авторитету и осуществлять власть, люди могут использовать дар речи и другие тонкие формы коммуникации для того, чтобы перевести своё взаимодействие во взаимовыгодные схемы или в разумную конфронтацию, разногласия и, при необходимости, мирное размежевание, не нуждаясь в заповедях морали.

О таком обществе, однако, нельзя сказать, что оно постэтическое, как о марксистском обществе, в котором экономическая форма коммунизма является социологической реализацией этического, после окончательного отмирания государства. Об анархии можно было бы сказать, что этика разрешилась в нового человека — метафора, означающая, что жизненным центром является вера и доверие людей к людям, а не условные способы сотрудничества. Иначе говоря, ничто не обеспечивает анархическое общество, будь оно масштабным, коммунистическим или состоящим всего из двух человек, кроме постоянной реализации человеческой потенции к свободному согласию и несогласию, всегда с признанием личности другого. Если анархизм не останется до последнего чистым от институционального мышления, которое марксисты называют материалистическим, то он должен в конце концов стать непоследовательным, а индивидуализм (или персонализм), который в сочетании с соответствующей версией социальности является душой анархизма, окажется под угрозой исчезновения.

В обществе иерархии — дискриминации классов или каст, обречения различных больших групп людей на те или иные виды ограниченного существования в ущерб другим — принудительный институциональный механизм является всем, а его гарантия и обеспечение со стороны государственной власти — социальной сущностью. Если мы считаем, что добровольное действие, выбор, решение, автономия являются центральными для смысла человеческого бытия — как утверждают основные философские традиции, — то анархизм можно понимать как стремление к ликвидации тех институтов власти, которые принимают за нас жизненные решения, предлагают заменить собой нашу свободу и освобождают нас от бремени ответственности, причём делают это всякий раз, когда успешно принуждают нас подчинить свою волю их требованиям. Тогда анархизм выражает волю к восстановлению и/или созданию личности и человеческого бытия, в то время как, отдаваясь или осуществляя господство, человек подменяет себя институциональным определением, институциональным бытием, перестаёт быть самим собой. Из этих предпосылок, думаю, ясно, что при добровольной сдаче свободы, при подчинении протекторату, каким, как утверждается, является гоббсовское государство, человек получает гораздо больше, чем осуществление определённых свобод.

Негативный анархизм

Теперь, наверное, понятно, почему негативное по этимологии название (анархист) соответствует смыслу анархизма.

Эту уместность можно проиллюстрировать на примере хорошо знакомого вида власти — расового угнетения. Если полное отрицание расового угнетения, как можно было бы предположить, представляет собой общество, в котором признание расовой идентичности исчезло, или в котором расовые термины, если они действительно могут иметь смысл, когда угнетение не определяет их, стали незначительными описательными терминами без социальных последствий, то было бы глупо спрашивать, какой будет теория этого безрасового общества или как она будет относиться к расовым отношениям. Для американского интеграционного движения 1950-х годов

лозунг «Свобода сейчас» сказал всё, что нужно сказать, точно так же, как более чем за столетие до этого лозунг аболиционизма, за который, конечно же, можно было получить звание «фанатика», которое так и не было отменено, был всем, что необходимо было сказать о рабстве.

Второй иллюстрацией, менее очевидной, но и сейчас едва мыслимой, может служить общество, обычно называемое андрогинным, в котором признание мужчины и женщины не связано ни с чем, кроме определённых физиологических особенностей и репродуктивных способностей, и не является показателем личности, экономической роли или достоинства. Полю не будут представлять собой классы (точнее, касты), а половая идентичность будет иметь лишь то значение, которое каждый выберет для себя. Что это означает, не требует подробных объяснений, нужно лишь определённое воображение, способность избавиться от предубеждений и представить себе то, что, казалось бы, невозможно мыслить без противоречий. Какими будут отношения между полами в таком обществе? — в этом вопросе заложены ошибочные предположения.

С любой точки зрения власть всегда была неубедительна, поскольку возможность её упразднения априори противоречит поддерживающей её идеологии. С точки зрения священства всегда было немыслимо, чтобы религия обошлась без него, чтобы её паства осталась без пастыря.

Применительно к анархистской концепции общественного бытия вопросы «Кто будет править? Кто будет управлять?» и — что менее очевидно интуитивно — «Кто будет решать?» становятся неактуальными вопросами. Никакой теории принятия решений тотальным обществом не требуется. «Власть народу», «пусть народ решает» — эти лозунги хотя и имеют идеалистические намерения, но закрепляют суверенитет целого и не являются анархистскими. На практике такой квалифицированный (демократический) суверенитет означает, что представители народа составляют класс лиц, принимающих решения, а не массу, которая не принимает никаких решений, кроме (возможно) выбора своих правителей, причём этот выбор неизбежно переосмысливается как мажоритарный. Там, где правит демос, власть и её проблемы остаются; представляемый народ, как говорил Руссо, порабощён. Анархия означает также распад и исчезновение демократического суверенитета (или его притворства).

В анархическом обществе каждый человек решает, и нет класса решающих. Совместные действия являются результатом добровольных соглашений. Это легче представить в небольшом обществе, где отсутствуют сложные отношения производства и распределения; более масштабное сотрудничество предполагает долгосрочные соглашения, опору на добрую волю других людей как норму, согласие на стандартные процедуры (не принудительные, не силовые институты) для достижения общих целей и разрешения разногласий и конфликтов. (Принцип индивидуального решения и добровольного согласия не означает, что вождение автомобиля справа или слева, использование метрических или неметрических мер, не говоря уже о базовых экономических практиках, постоянно ставится под сомнение, и человек не знает, чего ожидать в мире, где все перевёрнуто). Необходимо исходить из того, что люди, вовлечённые в этот процесс, в общем и целом будут готовы — не рефлекторно, а по образу жизни — признавать человечность и уникальность друг друга и отстаивать

свои различные интересы на условиях добровольного согласия и ответственности за свои действия.

Говоря, что каждый решает, мы не имеем в виду, что каждый может сделать так, чтобы мир был таким, каким (он) хотел бы его видеть: ведь может быть только один реальный мир, и если бы я желал этот мир эффективно, то я бы желал его для других и вместо них. Другие же представляют мне свою спонтанность, свой выбор, что, конечно же, закрывает для меня многие практические возможности, которые, надо надеяться, с лихвой компенсируются тем, что мои возможности обогащаются благодаря жизни в мире людей, которые выбирают сами, а не живут в условиях действия технологий, рынка и других безличных сил, ущемляющих их свободу и мистифицирующих их разум.

Говоря, что все решают, мы также не имеем в виду, что все, кого может коснуться то или иное решение, принимают в нем участие. Несомненно, в повседневном опыте у нас мало оснований для уверенности в том, что люди, от которых мы зависим, как в экономическом, так и в других отношениях, надёжно выполняют свою работу, и поэтому мы возлагаем надежды на сложные системы контроля над другими и, конечно же, над собой. Но анархистская мысль заключается в том, что социальное сотрудничество может быть основано на автономии и ответственности индивидов и групп в их сферах деятельности, так что общество является продуктом решений всех, как индивидуальных, так и совместных по соглашению.

Но очевидно, что никакой класс принимающих решения, не-коллективность, даже если они реализуемы в умеренно сложном мире, не могут быть вполне применимы ко всем привычным видам социальных процессов, даже если общество будет освобождено от многих функций, таких как военная, которым не было бы места в анархии.

Практически, если мы все по своему выбору участвуем в создании нашего мира, то представляется необходимым, чтобы в целом соблюдался принцип — скорее практический, чем этический — минимальных масштабных изменений, чтобы коммуникация и интеллект были наиболее эффективными и чтобы индивидуальный выбор, а следовательно, и соглашения, договорные и негласные, осуществлялись в рамках в некоторой степени понятного мира. Беспокойные технологии наших веков процветают в мире, где институты власти навязывают свои инновации, обеспечивают рабочей силой и манипулируют потребителями, а господствующие классы стремятся увеличить свою власть и богатство за счёт технологического превосходства. Анархия не обеспечит таких условий, равно как и анархическое принятие решений не сможет справиться с непрерывной массивной технологической революцией. Непрерывная и быстрая демографическая экспансия, вынуждающая жизненные комплексы (районы, города, посёлки, регионы) постоянно распадаться и перестраиваться, создаёт беспорядок, с которым свободные люди не могут справиться более разумно, чем нынешние институты. Многие уже существующие технологические уклады также могут предъявлять требования к принятию решений, которые не могут быть удовлетворены иначе, как на основе коллективных институтов, создающих бюрократические и иные формы власти. То есть анархическое общество будет плохо совместимо, если вообще совместимо, с определёнными практическими целями или образом жизни, или с определёнными общественными ритмами.

В эпоху неоспоримой технологической идеологии, в которую марксизм внёс свою лепту, такие уступки рассматривались бы как окончательно определяющие реакционную природу анархизма. В эпоху идеологии прогресса они точно так же заклеили бы анархизм как неосуществимый только потому, что он не экстраполирует то, что тогда считалось прогрессом, и как нежелательный, поскольку не приспособлен к спиралевидному движению вперёд. Сегодня, наверное, легче согласиться с тем, что несовместимость с определёнными практическими целями не обязательно является недостатком или ограничением. То, что не может быть сделано хорошо в анархическом обществе, может быть как раз тем, что высвобождает слепые и неконтролируемые исторические процессы, определяющие большую часть нашего существования таким образом, что наша воля становится неэффективной и даже определяет нашу волю.

Пожалуй, главным направлением серьёзной социальной мысли на протяжении двух столетий было решение проблемы детерминации историей, прошлым, вчерашним днём: как нам быть свободными сегодня, чтобы решать сегодняшние проблемы? Однако практически все эти размышления ставили вопрос о достижении контроля. Статистические общества стремятся овладеть этими историческими процессами с помощью силы, а иногда и с помощью социальных наук, и очень мало доказательств того, что они способны это сделать. (Кроме того, ценности и интересы, с точки зрения которых предпринимается такая попытка, явно принадлежат контролирующим группам или институтам). Это стремление к контролю — вид человеческой гордыни.

В анархическом обществе человек, надо полагать, будет стремиться освободиться от процессов институциональной динамики, сознательно выбирая ритмы изменений и технологии, гармоничные с жизнеспособными ритмами жизненного выбора, чтобы избежать необходимости для выживания создавать институты власти. То, что мы должны перестать идти на поводу у катастроф, что мы должны упростить и сделать возможным решение первичных жизненных проблем в режиме свободы, не должно, особенно с учётом количества и масштабов катастроф, которые наш вид порождает сам, быть необоснованным негативным принципом, тем более что, казалось бы, нет причин, по которым сравнительно стабильное и сравнительно упрощённое общество должно быть сведено к технологии прялки или к неизменности. Если бы такое общество было реализовано, мы могли бы, наконец, применить подлинный дух эксперимента к практическим проблемам жизни, что в нынешних условиях практически невозможно.

Индивид и общество

Анархистские концепции индивидуальности и социализации можно прояснить, кратко рассмотрев соотношение между анархистскими теориями, обозначенными как «индивидуалистические» или «мютюэлистические», и теориями, обозначенными как «коммунистические» или «синдикалистские». В этих замечаниях я не буду касаться некоторых буржуазных индивидуализмов, называющих себя анархическими, но не имеющих ничего общего с анархизмом как общественным движением и исторической идеей; например, так называемого анархо-капитализма.

Основные анархистские движения — коммунистическое и синдикалистское — стремятся охватить стремление к социализму, так что доктринальный социализм можно рассматривать как тот аспект (общего) анархизма, который специально занимается политикой производства, распределения и богатства. Индивидуалистический и мютюэлистический анархизм, однако, обычно отрицает наличие у сообщества или общества даже той второстепенной сущности, которая придаётся им в коммунистической или синдикалистской версиях. В современном мире (по его мнению) общество и сообщество — это фикции, с помощью которых одни индивиды, сотрудничая ради цели, оправдывают своё насильственное господство и эксплуатацию других, а то, что можно ошибочно считать сообществом или обществом в условиях подлинной свободы, на самом деле было бы не более чем суммой беспрепятственных действий индивидов и их объединений. Для индивидуалистов взаимовыгодное сотрудничество индивидов достигается с помощью согласованного средства или принципа обмена и других конвенций, призванных в максимальной степени гарантировать суверенитет личности.

Но именно достижение целей, обозначенных здесь ранее как социалистические, является очевидным следствием предложений индивидуалистов — если рассматривать коллективную собственность лишь как одно из предлагаемых средств для ликвидации классов и видов собственности, узаконенных и охраняемых государством, которые делают возможной эксплуатацию человека человеком. Американский индивидуалист-анархист Стивен Перл Эндрюс (*«The Science of Society»*, 1848), отвергая формы, в которых обычно представляют себе демократию и социализм, писал, что суверенитет личности является воплощением духа обоих, а более поздний индивидуалист Бенджамин Таккер считал индивидуализм той разновидностью социализма, которая выбирает путь свободы против пути захватнического самовластия, которому, по его мнению, вольно или невольно поддались анархисты-коммунисты. И если принцип «каждый решает сам» правильно выражает коммунистическую и синдикалистскую версии анархизма, то дорогой для индивидуалистов самосуверенитет получает полное признание.

Однако между представлениями об обществе свободных индивидов и обществе свободных индивидов, особенно если в первом случае «общество» лучше взять в кавычки, существует явное противоречие, и выбор в пользу того или иного варианта чреват практическими и психологическими последствиями, возможно, просто потому, что этот выбор отражает ощущение того, чего в мире более болезненно не хватает. В этике индивидуализма с её экономическими корнями Кропоткин видел нечто напоминающее капиталистическую апологетику агрессивного, алчного и эксплуататорского индивида; в кропоткинских представлениях о коммунизме индивидуалисты видели поглощение индивида суверенным целым.

Именно это напряжение между индивидуализмом и социализмом, которое испытывает каждое анархистское движение, может быть расценено как делающее анархизм нерешительным и неэффективным. Если же смотреть с точки зрения идей, поиска требований к реализации видения человека, то это же напряжение можно рассматривать как сохранение анархизма от той тенденции к капитуляции перед суверенитетом целого, сначала замаскированной, а затем открытой и практически необратимой, которой индивидуалисты боятся в анархическом коммунизме и кото-

рую марксистский коммунизм вновь и вновь воплощает в жизнь. (Если коммунизм и синдикализм — это не просто стандартные процедуры, или институты, в смысле предыдущего раздела, если они не допускают эффективного выбора альтернатив, то они несовместимы с анархизмом). Анархизм Малатесты, отвергавший дефиницию и сектантство, стремился сохранить это напряжение в рамках неопределённого, неразделенного анархизма. До тех пор, пока полярность личности и общества не разрешится в мир без социальной власти, представляется важным, чтобы движение людей и идей, направленное к этой цели, сохраняло острое осознание этой полярности и теми или иными средствами сохраняло это напряжение, поскольку, по мнению анархистов, только в анархическом обществе индивидуальность и социальность могут перестать находиться в систематическом конфликте.

Индивидуализм анархизма, несомненно, неоднозначен, особенно потому, что он должен быть готов в конечном счёте отпустить то, что ревностно охраняет. Но это, конечно, не буржуазный индивидуализм, как его представлял марксизм, начиная с нападок Маркса на Штирнера. В философии Штирнера, не названной им анархистской, но в целом утверждаемой анархистами-индивидуалистами, философский эгоизм является абсолютным, а другие — лишь инструменты для удовлетворения Я. Но этот эгоизм именно философский, а не психологический, а значит, эгоизм не препятствует любви к другим и добровольному объединению (свободным союзам). Хотя Штирнер, если я правильно его понял, писал о самоценном Я и восхвалял его, он по привычке писал от первого лица множественного числа, ставя тем самым проблему уникальности как проблему всех людей, а не как проблему (как позже ставил её Ницше) элиты или будущих узурпаторов; он призывал к всеобщему восстанию уникальных, всех нас, от своего имени.

Однако вопрос о «человеке как фундаментальной общественной реальности» лежит глубже, чем я до сих пор здесь рассматривал, глубже, чем я смогу это сделать. Как это можно исследовать, я кратко обрисую. В центре анархистской критики существующих обществ находится тезис о том, что они характеризуются погружением индивидов в сети властных институтов — так что марксистский метод анализа прошлой истории в институциональных терминах в принципе верен по замыслу, хотя и догматичен и чрезмерно упрощён в своём стандартном применении. Таким образом, сила утверждения о том, что индивид является высшей социальной реальностью, носит нормативный и программный характер, и это утверждение неотделимо от других аспектов сложного этического идеала человеческого бытия. Здесь и сейчас эта реальность — неполноценно реализованный потенциал.

Такое представление о личности не влечёт за собой метафизического и эпистемологического индивидуализма Штирнера, который можно рассматривать как попытку обосновать нормативное представление в философии. Однако, как я надеюсь, мне удалось хотя бы намекнуть, утверждение личности не достигает своего анархического смысла и своего полного отличия от буржуазных и других отчуждающих концепций индивидуальности, пока оно не мыслится в контексте трансцендентности власти. Для познания этой трансцендентности мы должны опираться на наш крайне неполный опыт себя и других в ситуациях любви, заботы и общности, где субъективность других существенно присутствует для нас; в отношении этих ситуаций и анархического идеала язык «личности» может быть менее обманчивым, чем язык

«индивида». В этом контексте, согласно гипотезе анархизма, индивиды перестают находиться в систематическом антагонизме, а «индивидуальное» и «общественное» перестают быть описанием конфликта.

Такой взгляд на индивида, насколько я могу судить, не находится в существенном противоречии с философией социальных наук, которая предпочитает, как мне кажется, из соображений методологии, рассматривать отношения как основные, а индивидов — как производные.

Природа

Я говорил только об антропосе, и несколько предварительных слов, не более, должны быть сказаны о Природе и Человеке. В глубоком смысле анархизм атеистичен. (Под атеизмом я понимаю именно отрицание теизма, а не отрицание религиозного чувства или духовности). Интенсивный атеизм традиционного анархизма, как представляется, должен быть более чем земным в своей пылкости — не просто антиклерикализмом — и более чем отрицанием Бога как легитиматора государственной и клерикальной власти.

Анархистская мысль обретает единство, если её атеизм воспринимается как утверждение, что человек должен утвердить свою свободу в природе. (Под природой я понимаю не только материальную вселенную. Природа понимается мною как соединение с тем, что есть.) Анархизм, таким образом, выражает всеобщее неприятие власти в символе, в случае институциональных христианских религий, Божественного монарха, универсального деспота, который на основании трансцендентальной идеологии, т.е. теологии, требует покорности человека и его приоритета в бытии. Соответственно, анархисты, как правило, придают большое, даже чрезмерное значение науке, философии и разуму, выражая тем самым веру в то, что эти средства позволят нам достичь такого понимания природы, которое утвердит нашу свободу в ней.

Однако в отличие от марксистского социализма, в отличие от Маркса, в том числе и молодого Маркса, анархизм редко бывает антропоцентрическим и гуманистическим в смысле видения природы как врага, угрозы, объекта завоевания и контроля со стороны техники, арены для человеческого господства — обратная сторона теистического порабощения. Я понимаю анархизм как утверждение человечества и противодействие нашему подчинению или порабощению божествам или природным законам, которые мы не понимаем и не делаем своими — как стремление к нашей свободе, но не к господству или независимости от Природы.

Дабы быть осторожным, я не должен говорить, что анархисты всегда обладали ясностью в этих вопросах. Христианский контекст Западного мира, которым в основном ограничивался анархизм, не способствует такой ясности. Я хочу сказать, что анархизм с готовностью экстраполирует, а его дух призывает к экстраполяции, определённое видение природы, аналогичное его видению общества; где отдельные личности, человеческие общества и человеческий вид живут в отношениях с другими отдельными существами и видами, утверждая нашу творческую уникальность и нашу свободу, но не стремясь к превосходству, которое означало бы отчуждение

человечества в противостоянии тому, что мы не можем контролировать или понять. Таким образом, гармония общества и личности может быть перенесена на более широкий случай, и анархизм обретает силу, масштаб и завершённость в той мере, в какой он выступает за такую гармонию личности и мира.

Случайно ли, потому что анархизм укоренился в основном за пределами германской Европы, или по более существенным причинам, анархизм не слишком отражает тот Фейербаховский гуманизм, согласно которому идея Бога является лишь проекцией человеческих идеалов, который принял Маркс и с помощью которого он легко решил религиозный вопрос, в результате чего, можно предположить, природа утратила свою сакральность, без которой трудно, если не невозможно, чтобы человек был сакрален для самого себя. Для анархизма, возможно, более католического, чем протестантского по своим религиозным предпосылкам и истокам, Бог имел более серьёзную реальность, чем для Маркса, — реальность как образ власти, как притворная реальность власти. Не хотелось бы быть неверно понятым — но может произойти и такое, — полагая, что гневное восстание анархистов против Бога христианских церквей представляло собой глубокую и нарушенную духовность.

В современной анархистской литературе тема атеизма менее заметна, менее актуальна — возможно, потому, что наша космическая свобода обретена, но в режиме независимости и господства, или в режиме иллюзии свободы, и наша проблема скорее состоит в том, чтобы заново открыть своё бытие в Природе, что является иной религиозной проблемой, чем проблема бога-монарха.

Анархизм как социальная философия

Главное, что я хотел показать, — это то, что анархизм представляет собой фундаментальный идеал человеческого существования: он представляет собой нечто иное, чем просто отсутствие правительства, нечто иное, чем свобода делать все, что хочется, нечто иное, чем свобода, ограниченная тем, что может повредить другим. Она представляет собой цель социального объединения на основе уникальной индивидуальности, где между людьми нет ни классового, ни кастового деления, где целостная индивидуальность и целостное общество, не противопоставлены друг другу, стали двумя аспектами единой жизни. Глубочайший смысл этой анархической свободы, если я правильно понимаю смысл написанного, заключается в том, что будут разрушены некоторые существенные барьеры на пути реализации потенциальных возможностей человека. Целостная индивидуальность и целостное общество — ценности как древние, так и современные, и каждая система этики и социальной философии, можно сказать, стремилась приспособить их друг к другу. Я предположил, что анархизм — это важная социальная идея, а не просто своеобразный член из ряда «тирания, монархия, олигархия, демократия»... Анархия, потому что она претендует на то, чтобы во власти найти недостающий ключ. Она представляет собой как концепцию всеобщей и конечной социально-личностной гармонии, которая вполне может оказаться недостижимым идеалом, так и концепцию социально-личностной гармонии в любой ограниченной сфере, в любой относительно замкнутой человеческой системе, вплоть до сферы ближайшего окружения,

где отрицание идеологически оправданных, социально раскольнических моделей господства является (по гипотезе) необходимым условием социально-личностной гармонии. В качестве практической цели свободное общество вряд ли может рекомендовать себя с точки зрения его вероятности, что бы ни означала вероятность в подобных вопросах; но Идея отражает себя, иногда в виде светской философии любви, в повседневной жизни людей, которые черпают из неё свои ценности.

Если мы хотим обсуждать анархизм как социальную философию, то мы хотим, чтобы он был чем-то большим, чем набор чувств, лежащих в основе Идеи, и чем-то большим, чем абстрактное решение проблемы власти и бессилия. В ходе работы над этой статьёй я сформулировал ряд предложений, выходящих за рамки исходных положений первых разделов, которые я хотел бы здесь изложить:

- что индивид является фундаментальной общественной (но не обязательно метафизической) реальностью;
- что добровольное согласие является основой сотрудничества;
- что каждый несёт ответственность за свои действия;
- что общая свобода зависит от самодисциплины каждого;
- принятие на себя власти или подчинение власти в любой сфере является отрицанием фундаментальной человеческой реальности;
- мораль, основанная на принципах отрицания власти, утверждает свободное развитие индивидуальности как условие реализации нашего чувства человечности;
- что вера и доверие к личности — это жизненно важный этический центр анархии;
- анархизм представляет и требует трансценденции власти/безвластия, которая может быть описана как интегральная свобода;
- альтернативой суверенитету коллективов является принцип «каждый решает сам»;
- что власть — это коренное зло человеческого бытия;
- интегральная свобода имманентна человеческой жизни и истории как всегда реализуемая потенция;
- что свобода — это обратная замена институционального определения, институционального бытия, институциональной воли на самого себя;
- что суверенитетов подготавливает почву для освобождения от детерминизма и тирании;
- что личное и общество — это динамическое напряжение, которое находит своё основание в свободе;
- что программа действий — это непрерывная реализация свободы в жизни каждого и всех;
- что личность является локусом социальных изменений, а также основой свободного общества;
- что в процессе непрерывной реализации свободы ценности завоёвываются постоянно.

По поводу этих предложений я хочу сказать, что они указывают на несимволический взгляд на общество и человека, который даёт способ социального анализа, образ этической потенции человека и предложение метода реализации этой потенции.

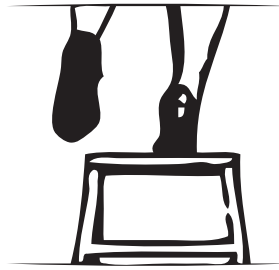
Если рассматривать анархизм как философию, то, конечно, возникает вопрос о природе метафизических и эпистемологических обязательств и их основании. Этот вопрос грозит вновь привести к дроблению школ, которое я пытался преодолеть, поскольку по этим вопросам анархисты резко расходятся, и я решил рассматривать анархизм таким образом, чтобы избежать подобных обязательств. Однако сейчас мне хотелось бы придать этому избеганию позитивный смысл, и я предлагаю следующие соображения, призванные не более чем навести на размышления; их разработка потребует другого случая.

Я считаю, что мы сами для себя загадка, потому что мы не в полной мере ощущаем свою собственную человечность, а это, в свою очередь, происходит потому, что мы не можем в полной мере ощутить человечность других людей, пока существуем в многочисленных взаимосвязанных отношениях господства и подневольности. Мы уступаем этим структурам власти, чтобы жить в человеческом мире, который существует до каждого из нас и требует от нас дисциплинированности в отношении культур, организованных вокруг знаков отличия, языков, личностей, институтов, мифологий и философий власти. Мы диалектически переходим в плоскость осознания нашей общей человечности, уникально проявляющейся в каждом человеке, как мы диалектически переходим в плоскость социального существования, в котором мы не имеем власти над другими и не позволяем определять себя в своём бытии властью, которой они обладают. Только тогда мы осознаем смысл субъективности в другом или, подлинно, в себе. Этим шагом мы привносим любовь в реальность, ибо такое признание субъективности и есть то, что я понимаю под любовью.

Иначе говоря: Определённые истины должны быть воплощены в жизнь, должны стать живыми, прежде чем их смысл может быть воспринят более чем негативно. (Таким образом, анархизм, как и марксизм, в этом отношении переносит философские вопросы на вопросы актуализации и реализации). В анархизме я вижу указание на то, что человек станет адекватно самосознательным, а значит, свободным в будущем, и дихотомии мысли и действия растворятся, только тогда, когда люди освободятся друг от друга и, в некоторых существенных смыслах, от самих себя.

Таким образом, анархизм можно рассматривать как исходящий из гипотезы о том, что существует негативная задача, которую необходимо решить, прежде чем мы сможем по-настоящему ощутить себя людьми и понять наши отношения друг с другом. Таким образом, анархизм по своей идеологии является сугубо негативным явлением. Если в отношении конкретных социальных проблем это было бы грубым недостатком, то анархизм занимается гораздо более фундаментальными вопросами, и из его видения потенциальных возможностей, заложенных в нашей реальной человеческой ситуации, его абсолютный негативизм, казалось бы, должен вытекать и быть основой созидания.

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Вик Дэвид
Негативность анархизма
1975

Скопировано 19.11.2024 с <https://liberadio.noblogs.org/?p=3312>
Перевод с английского: Ndejra
<https://theanarchistlibrary.org/library/david-wieck-the-negativity-of-anarchism>

ru.anarchistlibraries.net